

Глава 6

— И это ещё не всё, — продолжал откровенничать Чэнь Цзяньхуа. — Ван Лин поработала всего пару дней и снова слегла. Сколько трудодней она успеет набрать за эти полгода? Впрочем, семья у неё состоятельная: постоянно присылают и деньги, и еду, и талоны. Каждый раз, как она выбирается в город, её видят в сельпо — закупается впрок.

Семья самого Чэня тоже не бедствовала, но у него были старший брат и младшая сестра, так что сорить деньгами он не привык. К счастью, сейчас они с Юань Цзином жили у брата Цзяна и могли время от времени баловать себя мясом, отчего юноша пребывал в полнейшем восторге.

— А только что Цзян Хуай снова отпросился, чтобы навестить её. Как думаешь, сладится у них?
— Цзяньхуа явно вошёл во вкус, предаваясь сплетням. Прежний Юань Цзин мало общался с ним и даже не подозревал о такой страсти товарища к пересудам.

Юань Цзин бросил на собеседника странный взгляд. В прошлой жизни Чэнь Цзяньхуа сам был среди тех, кто добивался расположения Ван Лин, а в этой — преспокойно наблюдал за драмой со стороны.

— Вот увидишь, — не унимался Чэнь, — Сун Хунбин из Двора образованной молодёжи тоже в неё влюбился. Вечно они с Цзян Хуаем петушатся перед ней. Хе-хе, думаешь, дойдёт до драки? Кого она в итоге выберет? Кстати, на днях я столкнулся с Ван Лин, и она расспрашивала о тебе и брате Цзяне. Но я, конечно, и рта не раскрыл.

Юань Цзин едва заметно нахмурился. Ему совершенно не хотелось впутываться в интриги чжицинов.

— И правильно сделал, — отрезал он. — Меньше всего мне хочется лишних хлопот. Я терпеть не могу путаницы.

Чэнь Цзяньхуа весело расхохотался. Он прекрасно видел, что Юань Цзин шарахается от местных девиц как от огня, стараясь не давать им ни малейшего повода для надежды. Со временем те, кто это заметил, начали по-доброму подшучивать над его неприступностью. Юноша и вовсе предпочитал держаться поближе к Цзян Циншаню, чья аура — холодная и суровая — пугала деревенских девушек настолько, что они не решались и слова вымолвить в присутствии этой пары.

Немного отдохнув, они вернулись к работе. Им предстояло выкопать батат на закреплённом за ними участке — если провозиться до сумерек, работу всё равно пришлось бы заканчивать, так что лучше было управиться пораньше. Друзья распределили обязанности: один копал, другой очищал клубни от земли и складывал в корзину, которую, наполнив доверху, они вместе оттаскивали к краю поля.

Поначалу дело шло туго, но вскоре Юань Цзин приноровился выкапывать клубни, не

повреждая кожуру. Чэнь Цзяньхуа, видя такую сноровку, даже не пытался претендовать на лопату, понимая, что не сможет так тонко контролировать силу удара, и послушно подбирал урожай следом.

Когда со сбором было покончено, они вернулись домой, где их уже ждала тётушка Гуйлань с готовым ужином. Обычно они готовили сами, но из-за осенней страды, от которой тётушку освободили по состоянию зрения, она сама вызвалась присматривать за их пропитанием.

Возвращаясь к накрытому столу после изнурительного дня и видя горячую сытную еду, Юань Цзин и Чэнь Цзяньхуа испытывали к хозяйке искреннюю благодарность. Они в который раз убеждались, что поселиться в доме Цзянов было лучшим их решением. Им то и дело доводилось слышать жалобы Линь Дуна на бесконечные склоки во Дворе образованной молодёжи. Уставшие люди, вынужденные делить дежурство у плиты, вечно ссорились из-за чьей-то лени или небрежности, и в период жатвы эти конфликты вспыхивали по малейшему поводу.

После ужина друзья сами прибрались на кухне. Такая старательность лишь добавляла им симпатии в глазах тётушки Гуйлань.

Сполоснувшись в прохладной воде во дворе и почувствовав долгожданную свежесть, Юань Цзин вернулся в комнату. Заметив, что рабочая одежда разошлась по шву после тяжёлого дня, он поскрёб затылок и решил заглянуть к брату Цзяну, чтобы одолжить иголку с ниткой. В эпоху всеобщего дефицита и культа бережливости одежда в заплатках была делом привычным и даже почётным.

Чэнь Цзяньхуа к тому времени уже провалился в глубокий сон — стоило ему коснуться подушки, как комнату огласил богатырский храп.

— Иголку? Порвал что-то? — Цзян Циншань, с полотенцем на плечах и всё ещё влажными после душа волосами, обернулся на просьбу Юань Цзина. — Подожди.

Он достал из шкафа небольшую корзинку со швейными принадлежностями.

— Спасибо, брат Цзян. Отдыхай, я не буду мешать, — улыбнулся Юань Цзин, забирая инструмент.

Цзян Циншань проводил юношу взглядом и принялся вытирать голову. Его мысли невольно вернулись к недавней сцене: он случайно увидел, как Юань Цзин обливался водой во дворе. Сельские условия были суровыми, и в доме Цзянов не было отдельной душевой, так что Циншань сам привык закаляться во дворе даже в холода и не видел в этом ничего особенного. Но сегодня, стоило ему заметить, как Юань Цзин опрокидывает на себя таз воды, он почувствовал странное смятение. В носу подозрительно защекотало, и Циншань поспешил отвернуться.

«Странно, — подумал он. — Мы с сослуживцами сотни раз мылись вместе, и я никогда ничего подобного не чувствовал. Наверное, всё дело в том, что этот парень... слишком уж пригожий, даже красивее иных женщин»

Впрочем, сомнение кольнуло его: а умеет ли Юань Цзин вообще держать иголку?

Спустя десять минут Цзян Циншань постучал в дверь комнаты. Получив разрешение войти, он увидел юношу, который с самым решительным видом сражался с куском ткани. Со стороны было ясно — эта тонкая работа даётся ему с огромным трудом. Юань Цзин обрезал нить, критически осмотрел результат своих трудов, и его лицо помрачнело. Шов вышел кривым, стянутым, а ткань некрасиво сморщилась.

В тишине комнаты раздался негромкий смешок. Юань Цзин обречённо вздохнул, понимая, что затея провалилась. Оказалось, смотреть со стороны куда проще, чем шить самому — вместо аккуратной латки у него получился неопрятный ком.

— Ладно, — пробормотал он, — завтра попрошу помощи у тётушки А Фэнь.

Он не хотел беспокоить тётушку Гуйлань, зная о её проблемах со зрением.

— Давай я, — Цзян Циншань шагнул в круг света от лампы. Его высокая фигура на мгновение накрыла Юань Цзина густой тенью. — В армии нам всё приходилось делать самим. Поначалу тоже не выходило, но со временем набил руку. Давай сюда.

Юноша удивлённо поднял на него глаза:

— Правда умеешь?

— Если испорчу, завтра всё равно пойдёшь к жене дяди, — спокойно ответил Циншань.

— И то верно. Садись, брат Цзян. — Юань Цзин подхватил табурет Чэнь Цзяньхуа и с готовностью подвинул его гостью.

Цзян Циншань взял изуродованную одежду и, увидев запутанные узлы ниток, снова издал короткий смешок. Юань Цзин неловко потёр щёку:

— Не смейся, брат Цзян. Дома за меня всё мама делала.

— Хорошо, не буду, — голос Циншаня потеплел, хотя в глазах всё ещё плясали искорки смеха.

Он ловко распорол неудачный шов, выровнял ткань и, отрезав ровную латку, принялся за

работу. Его пальцы двигались уверенно и быстро.

Юань Цзин, подперев подбородок ладонью, замороженно наблюдал за процессом.

— Брат Цзян, а есть что-то, чего ты не умеешь? — с искренним восхищением спросил он. — Готовишь как мастер, охотишься, в поле работаешь лучше всех, теперь ещё и шьёшь... Ты случаем и одежду кроить не умеешь? Что вообще тебе не под силу?

Цзян Циншань, не отрываясь от шитья, мельком глянул на него и в тон ответил:

— Рожать не умею.

Юань Цзин едва не поперхнулся от неожиданности.

— Ха! — выпалил он, давясь смехом. — Кто знает, может, когда-нибудь и мужчины смогут. Не говори «гоп», брат Цзян.

Цзян Циншань бросил на него загадочный взгляд, подумав про себя, что если такой день и настанет, то уж точно не его это будет забота. Чэнь Цзяньхуа рядом спал беспробудным сном, иначе он наверняка заметил бы, какой необычайно тёплой стала атмосфера в этой комнате.

Когда осенняя страда наконец завершилась, все заметно похудели и осунулись. Прошёл первый осенний дождь, принес с собой холодное дыхание наступающих холодов, но это не охладило пыла сельчан. Стоило бригаде объявить о вечернем кинопоказе, как люди бросились на ток — занимать места получше.

В воздухе потянуло ароматом жареных семечек. Почти у каждого во дворе или на краю поля росло по паре подсолнухов; их сушили и обжаривали, превращая в любимое лакомство для взрослых и детворы. Остатки обычно берегли к Новому году.

Тётушка Гуйлань тоже пожарила небольшую кастрюлю семечек. Раньше её сын не любил подобные сборища, но в этом году с ними жил Сяо Цзи и его друг, так что Циншань наверняка пойдёт на площадь. А она не могла допустить, чтобы её сын сидел там с пустыми руками.

— Тётушка, брат Цзян! Мама велела принести вам тыквенных семечек, — звонкий голос Ню Таохуа раздался ещё до того, как она вошла во двор.

Среди молодёжи «Красной Звезды» Таохуа была единственной, кто не боялся Цзян Циншаня. В её памяти он всегда оставался братом, который защищал её лучше родных, а все те годы, что он служил, она часто приходила навещать тётку и помогала по хозяйству.

— О, Таохуа пришла! Заходи скорее, — радостно отозвалась тётушка Гуйлань. — Я как раз подсолнечные нажарила, попробуй, не передержала ли я их.

— Брат Юаньцзин, брат Цзяньхуа! — весело поздоровалась девушка с постояльцами.

Она высыпала угощение на стол, о чём-то пошептала с тёткой на кухне и вернулась в главную комнату.

— А где дядя? — спросил Цзян Циншань.

Таохуа, уже вовсю щёлкая семечки, ответила:

— Папа в коммуне. Говорят, к нам в бригаду снова пришлют двоих на трудовое перевоспитание. Он уходил весь в расстройстве: двое «элементов» уже есть, так ещё двоих везут.

Цзян Циншань слегка нахмурился:

— Не болтай лишнего. Как наверху решили, так дядя, как секретарь, и поступит.

— Да знаю я, брат Цзян. Вечером идём вместе, я вам всем места заняла, так что отказы не принимаются! — по-сестрински капризно заявила Таохуа.

— Хорошо, пойдём, — в его голосе прозвучала привычная обречённая нежность.

Новость о прибытии представителей «пяти чёрных категорий» не вызвала у Чэнь Цзяньхуа особого интереса. Двоих бедолаг, живших в коровнике, он видел лишь издали — сельчане обходили их стороной, боясь лишних подозрений.

Юань Цзин же задумчиво посмотрел на Цзян Циншаня. Этих двоих он помнил: их привезли как раз в день кинопоказа, и один из них оказался опытным старым врачом. В памяти прежнего владельца тела сохранился случай: в конце года у одной из местных женщин начались тяжёлые роды. Жизнь матери и ребёнка висела на волоске, а везти в уезд по бездорожью было уже поздно. Тогда секретарь Ню вспомнил о новичках из коровника. Муж роженицы в отчаянии бросился к старику-врачу, и тот совершил чудо, сохранив обе жизни. После этого случая отношение деревни к «бывшим» потеплело: люди тайком подкармливали их и обращались за помощью при недугах, а старый секретарь стал присматривать за ними более благосклонно.

Когда Таохуа ушла, а Чэнь Цзяньхуа убежал к товарищам-чжицинам, Цзян Циншань внезапно спросил:

— Ты так посмотрел на меня... Хотел что-то сказать?

Юань Цзин невольно улыбнулся пронизательности Циншаня.

— Да так, просто подумал: вдруг среди новеньких окажется хороший лекарь, — ответил он.

Цзян Циншань едва заметно дёрнул уголком губ:

— Бывают же такие совпадения.

Юноша не стал спорить. Совпадение это или нет, скоро всё прояснится. С тех пор как Циншань помог ему с шитьём, их отношения стали заметно доверительнее.

Вечерний кинопоказ превратился в настоящий праздник. Детский смех разносился далеко окрест, а чжицины, нарядившись в лучшую одежду, предвкушали зрелище.

Чэнь Цзяньхуа уселся со своими из Двора образованной молодёжи, позвав и Юань Цзина, но тот лишь махнул рукой и указал на Цзян Циншаня. Увидев суровое лицо «Ледяной глыбы», остальные чжицины не решились настаивать.

Юань Цзин устроился рядом с Циншанем, с удовольствием щёлкая семечки и слушая деревенские разговоры. Собеседник несколько раз украдкой бросал на него взгляды, не понимая, как этот утончённый юноша может находить столько удовольствия в простом сидении рядом с ним, угрюмым и скучным солдатом, вместо того чтобы веселиться с молодёжью.

Впрочем, эта компания была ему в новинку и странным образом грела душу. Заметив, что ладонь Юань Цзина опустела, Циншань зачерпнул горсть семечек из своего кармана и пересыпал ему. Юноша поднял глаза и светло улыбнулся:

— И ты ешь тоже.

— Хорошо, — негромко отозвался Циншань, и они продолжили сидеть в уютном молчании под стрекот кинопроектора.

Чжицины, сидевшие поодаль, видели лишь их соприкасающиеся плечи, но не могли слышать ни слова.

Ван Лин, помня, как холодно Цзян Циншань обошёлся с ней в день приезда, не питала к нему симпатии. Её задевало, что Юань Цзин предпочитает компанию этого «калеки».

— И как только Юань Цзин находит с ним общий язык? — фыркнула она. — О чём им вообще говорить?

Чэнь Линь, приехавшая в прошлом году, тоже проследила за их взглядом.

— Я и слова боюсь сказать Цзян Циншаню, — призналась она со смешком. — Кажется, он вот-вот заставит меня расплакаться. За столько времени он ни с кем в деревне не сблизился, а с Юань Цзином — совсем другое дело. Чэнь Цзяньхуа, они и дома так много общаются?

Чэнь Цзяньхуа, увлечённый беседой с Ма Лили, обернулся и поскрёб затылок:

— Брат Цзян — отличный человек. Вы просто его совсем не знаете.

Чэнь Линь лишь закатила глаза, а Ван Лин капризно протянула:

— Чэнь Цзяньхуа, почему бы тебе не позвать Юань Цзина к нам? Мы ведь все — чжицины, такие вечера выпадают нечасто.

Цзян Хуай тут же занервничал. Он надеялся, что, когда фильм начнётся, сможет пошептать с Ван Лин наедине. Зачем ему здесь Юань Цзин?

Прежде чем Чэнь успел ответить, Ма Лили язвительно вставила:

— Если так хочешь, поди и позови сама. Зачем напрягать Чэнь Цзяньхуа? Тем более Юань Цзин уже ясно дал понять, что не придёт. Оставит он брата Цзяна одного, как же! Или тебе наших разговоров мало, обязательно нужен Юань Цзин?

— Я... я просто хотела, чтобы мы были дружнее, — Ван Лин тут же сделала обиженный вид.

— Ма Лили, зачем ты на неё нападаешь? — вскинулся Цзян Хуай, не вынося слёз своей фаворитки. — Ван Лин заботится о коллективе, а Юань Цзин и впрямь слишком отделился от нас.

— Раз такой заботливый, иди и зови его сам! — Ма Лили не собиралась церемониться с «рыцарем». Она приехала в одной группе с Цзян Хуаем, но с тех пор, как появилась Ван Лин, тот стал смотреть на неё волком. Впрочем, ей было плевать.

— Ты... — Цзян Хуай задохнулся от возмущения.

— Пожалуйста, не ссорьтесь из-за меня, — пропищала Ван Лин.

— Ладно, не буду я с ней спорить, — буркнул Цзян Хуай, — всё равно ничего не поймёт.

Ма Лили лишь фыркнула и громко сказала, обращаясь к Чэнь Цзяньхуа:

— Вот именно, нечего тратить нервы на тех, кто видит мир через кривое зеркало. Прямо как с цепи сорвались, честное слово.

Чэнь Цзяньхуа, видя, как Цзян Хуай снова сверлит его взглядом, тихо рассмеялся:

— Тише ты, он сейчас тебя взглядом испепелит.

— Пусть смотрит, не убудет от меня, — шепнула Ма Лили. — С этой Ван Лин в бараке вечно какой-то бедлам. Я уже завидую вам, что вы там не живёте. Знала бы я раньше...

— Знала бы — и что? Думаешь, так просто найти покладистых хозяев?

Ма Лили сделала жест, мол, «сдаюсь», и замолчала. Придётся терпеть — быт девушки-чжицина в одиночку был ещё тяжелее.

Юань Цзин, не подозревая о буре за спиной, спокойно досмотрел фильм. Возвращаясь домой с Цзян Циншанем, они столкнулись с секретарём Нью Гочжу.

<http://bllate.org/book/15835/1428044>